

РЕЦЕНЗІЇ

АЛЕКСАНДР ГОГУН

Беркгоф К. Жнива розпачу.
Життя і смерть в Україні під
нацистською владою / Автор.
перекл. з англ. Т. Цимбал. – Київ:
Критика, 2011. – 455 с.

Книга голландського історика Карела Беркхоффа «Жатва отчаяния. Жизнь и смерть в Украине под нацистской властью»¹, опублікована восьм'ять років тому в США і Британії, отримала значительний резонанс: на Заході вийшло близько півсотні рецензій. Дослідження перевидає в Києві². Очевидно, таке уваження забезпечено рівнем попередньої аналогічної роботи: присвячена Україні в Другій світовій війні монографія парижанина Володимира Косика³ уже застаріла. Крім того в ній українці, за незначительним виключенням, представлені не діючим суб'єктом, а об'єктом історичного процесу.

¹ *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge MA – London: Harvard University Press, 2004. – 463 p. Тираж 3000 экз.

² Тираж 5000 экз. Далі в тексті посилання на українське видання.

³ *Kosyk W.* L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. – Paris: Publ. de l'Est Européen, 1986. – 665 p.

Настоящий обзор посвящён киевскому изданию «Жатвы отчаяния». Перевод авторизован, более того, во введении сообщается, что в ходе работы над украинским текстом было исправлено несколько ошибок первой публикации (с. 10). То есть книга должна отражать уровень развития исторической науки 2010 года, тем более, что голландский специалист продолжает исследования вопросов, связанных с Украиной во Второй мировой войне⁴.

В отличие от Косика, Беркхофф по причине демократизации Восточной Европы получил возможность задействовать широкий спектр источников, но воспользовался ею в очень малой степени. В книге использованы документы полутора десятков архивов США, Германии, Украины, Канады, России и Голландии, но в основном – опубликованные материалы на восьми языках, в первую очередь, воспоминания.

Название книги неточное. Рассматривается образованный нацистами рейхскомиссариат Украина (РКУ), занимавший лишь около половины территории Украинской ССР в границах 1941 г., но включавший и значительную часть Белорусской ССР.

Повествование организовано по проблемному принципу и освещает предвоенную ситуацию и начало войны, создание и администрацию РКУ, злодеяния нацистов – Холокост, геноцид цыган, истребление военнопленных, положение в городах (почему-то отдельно выделен не повлекший массовой смертности голод в Киеве), ситуацию в селе. Достаточное внимание уделяется народной культуре, религиозной политике властей и её восприятию мирными жителями, а также вопросу межнациональных отношений. Различные партизанские формирования рассматриваются в главе «Последние дни нацистской власти». Основной массив текста предваряют предисловие и введение, а завершает раздел с выводами, которые развивать столь же сложно, сколь и опровергать. Дело в том, что в монографии непросто выявить основной тезис, структурирующий текст, поэтому концептуальный разбор работы затруднён. Можно только сказать, что население РКУ изображено преимущественно в виде жертвы, что в определенном смысле роднит «Жатву отчаяния» с упомянутой работой Владимира Косика.

⁴ <http://www.ushmm.org/research/center/fellowship/fellows/fellow.php?year=2010&content=berkhoff>.

Книга создает у читателя приблизительное представление о жизни в рейхскомиссариате Украина в 1941–1943 гг. То есть поставленная исследователем задача в определенной степени выполнена.

Внимание в монографии уделено не только украинцам, но и меньшинствам – евреям, полякам, немцам, русским. Цыганам посвящена одна страница, проживавшие в РКУ белорусы не рассматриваются.

Относительно новой для западного читателя является информация о сознательной деурбанизации захватчиками покорённых земель. В советской историографии о подобных намерениях гитлеровцев неоднократно говорилось, но в книге приведены и конкретные сведения об этой политике.

Интересен акцент повествования на повседневно-бытовых вопросах – такой аспект жизни под оккупацией упускался исследователями на протяжении десятилетий.

Одновременно книга вызывает много замечаний, которые касаются преимущественно точности и – шире – правильности приводимых сведений.

Заметны пробелы в знании контекста исследования – довоенной истории Украины или, как минимум, спорные трактовки событий 1917–1941 гг.

Общее представление автора об СССР показывает следующая цитата: «...В советской системе много, а может, и большинство коренных жителей (украинцев и других) привыкли к политической культуре, которая создала впечатление уважения к ним...» (с. 209). В другом месте утверждается, что советская власть «потакала... самоуважению, самостоятельности и самоценности» рядовых людей (с. 313). Сейчас вряд ли кто-то будет всерьез отрицать, что политике властей по отношению к народу в 1917–1941 гг. можно условно разделить на две основные составляющие: уничтожение и унижение.

В работе постулируется, что тайная полиция (ВЧК-НКВД) получила до 1941 г. большее влияние, чем ВКП(б) (с. 18). Хотя с начала и до конца советской власти чекисты являлись «боевым отрядом партии», а не наборот⁵.

⁵ См., например, книгу: *Восленский М.* Номенклатура. – М., 1991. В данном случае необходимо обратиться к 6-й главе этой монографии, 11-й раздел которой называется «КГБ – советское учреждение».

Положение о потакании режимом народному самоуважению в книге развивается, в большинстве своём запуганные, деморализованные и, главное, деидеологизированные сталинские подданные – собственно, объект исследования, – представлены чуть ли не фанатиками: большинство молодёжи Украины якобы «...обладало твердой верой в советский коммунизм и редко теряла её в период нацистского режима...» (с. 231, схожая мысль на с. 232).

Не ясно, на чём основывается утверждение, что после вскрытия немцами массовых захоронений жертв коммунизма «...большинство коренных жителей, очевидно, считало устроенные НКВД расстрелы невероятными – у них это не умещалось в голове» (с. 289). Но люди, читавшие в советских газетах эмоциональные статьи о казнях очередных высокопоставленных «заговорщиков и шпионов», видевшие, как в те же дни куда-то исчезают их соседи, коллеги и родственники, не могли не сделать соответствующих умозаключений.

То же самое касается и описания советской национальной политики: «...На момент начала войны разделение населения на “национальности” уже просуществовало определённое время, но мало граждан обращали на него серьёзное внимание» (с. 210). Во-первых, это противоречит утверждению рецензируемой книги о том, что большинство жителей Центральной Украины и до войны являлись антисемитами (с. 89) (к слову, это положение в монографии вообще ничем не подтверждено). Во-вторых, в 1930-х годах сотни тысяч граждан СССР (в первую очередь УССР⁶) были репрессированы по принципу этнического происхождения.

Введение в 1932 году в паспорте графы «национальность», передающейся по наследству, стало вехой в формировании массового повседневного советского расизма.

С другой стороны, очевидный (даже в чём-то стереотипный) плюс советской системы – образование – не обозначен рельефно. Наоборот, высказывание о Запорожье журналиста из фашистской Италии зачем-то цитируется без критического комментария: «Почти все девчата знают алгебру, немного тригонометрии, но не знают, где Рим, Берлин или Париж...» (с. 232). Но расположение европейских столиц – азы

⁶ *Snyder T. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. – NY: Basic Books, 2010. – P. 107.*

советского школьного обучения географии, впоследствии дополнявшегося навязчивыми «политинформациями».

То же относится и к красному милитаризму, в том числе постепенно нагнетавшемуся в 1939–1941 гг. военному психозу (к слову, о советской военной пропаганде Беркхофф защитил диссертацию и выпустил книгу). Утверждение о том, что «...даже в 1941 г. никто в советской Украине... всерьёз не ожидал войны с Германией или какой-либо (sic! – А. Г.) войны» (с. 21), косвенно опровергается на следующей странице, где указывается на удивление граждан тому, что война началась не ударом Красной армии.

Страх крестьян перед приближавшимися немцами получает своеобразное объяснение: «Очевидно, известия о кровавых расправах СС опережали немецкую армию» (с. 31). Вряд ли сельские жители в 1941 году знали о существовании СС. Да и обычно лживая советская пропаганда ужасов не отделяла фронтовые части от карателей. К тому же естественно ожидать кровопролития с опаской.

Ошибки встречаются и в кратком описании истории Западной Украины 1920–1930-х годов. Например, колонизацию Волыни названо политикой «интеграции» (с. 19), которой польские власти на самом деле последовательно и успешно препятствовали, настаивая на ассимиляции украинцев⁷.

Одним из основных недостатков книги является отсутствие источниковедческого анализа при использовании документов и материалов. Особенно это касается исключительного доверия к воспоминаниям, вышедшим на Западе в 1945–1991 гг., когда эмигранты-мемуаристы знали, что советские архивы закрыты, а умолчания, искажения и даже откровенные выдумки проверяться не будут. Кроме того, нередко перепечатываются результаты «исследований» историков СССР и ГДР. Да и источники времен войны – составленные в угоду начальству справки партийного подполья с оккупированной территории, сообщения априори не вполне объективных нацистов, оформленные в «секретные донесения» НКВД слухи из-за линии фронта – не всегда прошли адекватную оценку перед публикацией. Приведем лишь несколько примеров данных, которые не просто

⁷ *Motyka G.* Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła». Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947. – Krakow, 2011. – S. 18. Схожие сведения – в предыдущих работах автора, в том числе: *Tak było w Bieszczadach.* – Warszawa: Wyd. Volumen, 1999.

сомнительны, а порождают в повествовании противоречия. В книге постулируется повальная радость крестьян приходу немцев (с. 31, 38–39, 121, 122, 217), что сложно увязать с уже названными выше сведениями о страхе колхозников перед приближением германцев. Указанному ликованию масс косвенно противоречит нежелание селян убирать урожай (с. 125–126), с чем, в свою очередь, плохо соотносится народная скорбь по поводу павших немецких солдат (с. 217–219). Надежда советских украинцев на создание независимой Украины (с. 211, 212) не очень сочетается с чуть ли не поголовным имперским монархизмом (с. 229, ссылка 132) и уж совсем не соотносится со страстным желанием населения возвращения Красной армии (с. 228, ссылки 126, 127). Ненависть большинства красноармейцев, то есть вчерашних селян, к комиссарам (с. 99) непросто логически увязать с неприязненным отношением жителей и жительниц сел (страдавших от нехватки мужчин) к дезертирам из Красной армии (с. 211).

Подобные «факты» или красочные подробности событий зачастую приводятся как истина, без необходимой в таких случаях оговорки в основном тексте «По воспоминаниям имярек...» или «Согласно свидетельству X...».

Поражает периодически встречающийся оборот «достоверные воспоминания» (напр., с. 38). Если правдивость сведений выверена на основании аутентичных документов 1940-х годов, то необходимо цитировать не мемуары, а документы. Если же в распоряжении автора таких материалов нет, то говорить о правдивости воспоминаний нельзя. Достоверность мемуаров можно выявить, сравнив их с перекрёстными показаниями иных свидетелей, представлявших другую сторону. Но следов подобной кропотливой аналитики нет ни в основном тексте, ни в сносках.

То же самое касается фразы «Согласно достоверным документам НКВД, на протяжении недели работники этого комиссариата арестовали всех [немецких] мужчин как “антисоветский элемент” и депортировали их...» (с. 27–28). Достоверность маловероятна в отчётах людей, стремящихся показать руководству чрезвычайную, особую эффективность своей «работы». К тому же в условиях хаоса начала войны сложно было обеспечить «выемку» всех украинских немцев поголовно. Тем более странно наличие этого пассажа, если учесть, что часть книги, как

уже отмечалось, повествует о судьбе украинских немцев, в том числе мужчин, под нацистской оккупацией. Не бежали же массы вывезенных немецких мужчин из ссылки или даже из заключения через половину территории СССР и линию фронта в тыл вермахта.

Неверным, например, является и утверждение, что «...все крестьяне должны были присоединиться к общественным хозяйствам – даже те, кто не был членом колхозов» (с. 128, ссылка, опять же, на мемуары). В РКУ на местном уровне нередко наличествовала им провизация. В частности, в Киевской области многие колхозы были распущены, и крестьяне хозяйствовали индивидуально вплоть до возвращения Красной армии⁸.

Вероятно, небрежным отношением к переизданию книги, провалами в историографической базе⁹ вызвано сетование на недостаток сведений о казнях оккупантами цыган (с. 69), а также риторический вопрос: «Не означает ли такая нехватка источников про эти ужасы, что почти ни один ром не уцелел, чтобы рассказать о них?» (с. 70). Сохранились сведения о казнях цыган РКУ и в памяти крестьян-очевидцев, и в отчетах немецких карателей, и в материалах ЧГК¹⁰. За два года до выхода украинского издания «Жатвы отчаяния» в журнале, автором и членом редколлегии которого является К. Беркхофф, опубликованы воспоминания цыганки, сбежавшей из-под расстре-

⁸ См., напр.: «Часть западных районов Киевской области (Дымерский, Иванковский, Макаровский, Бородянский, Розважевский) покрыты небольшими лесными массивами... В этих районах немцы начали разрушать колхозы и отдавать земли в индивидуальное пользование... так называемому “трудо-вому крестьянству” – т.е. возвратившемуся кулачеству, изменникам Родины...» («Отчёт об организации и боевых действиях соединения партизанских отрядов Киевской области, им. тов. Хрущёва Н.С., 1942–1944», зам. командира соединения Лишевский, 1944 г. (ЦДАГОУ, ф. 77, оп. 1, спр. 1, арк. 10–11)).

⁹ В России свидетельства выживших цыган собирал, в частности, Николай Бессонов. См. его последнюю монографию: *Бессонов Н. Цыганская трагедия, 1941–1945.* – Т. 2. Вооруженный отпор. – СПб.: Шатра, 2010. – 376 с. В предшествующее десятилетие по настоящему вопросу им был опубликован ряд статей.

¹⁰ *Круглов А.* Геноцид цыган в Украине в 1941–1944 гг.: статистико-региональный аспект // *Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі.* – 2009. – № 2 (6). – С. 97–103.

ла неподалёку от Сарн¹¹. Представляется, что скудное количество публикаций о геноциде цыган объясняется невниманием государства и общества к этому вопросу. А число восточноевропейских цыган, привыкших к кочевой жизни, не отличавшихся от большинства населения по вероисповеданию, языку, а иногда и внешности, нередко оказывавших сопротивление оккупантам и, в конечном итоге, благодаря всем этим факторам, переживших войну, ещё в 1990-е годы было достаточным для создания на основании их рассказов объёмных работ.

Описание межнациональных отношений не вызывает полного понимания, в том числе на уровне лексики и терминологии.

В частности, по всему тексту применяется термин «идентичность», причем не в его классическом, буквальном смысле – тождественность, равенство. Это слово автором, как и многими его коллегами, применяется в трёх разных значениях, каждое из которых не вполне соответствует уже названному изначальному, энциклопедическому смыслу термина: 1) самоидентификация члена какой-либо группы; 2) объективная принадлежность человека к какой-либо группе; 3) мнение окружающих лиц о принадлежности кого-либо к какой-либо группе. Такая расплывчатость весьма затрудняет восприятие любого повествования.

Калькой с расистского «этнонима» «*Volksdeutsche*» является повсеместно употребляемое словосочетание «этнические немцы» (с. 27, 163, 173, 216 и др.) – в том значении, которое ему придавали лидеры НСДАП. Более того, на странице 215 эти две группы прямо отождествляются. Но поскольку проживавшие в Восточной Европе немцы в XIX–XX вв. подверглись ассимиляции, то к 1941 г. значительная часть, если не большинство тех, кого нацисты считали соплеменниками, не являлись немцами. В указанном случае для обозначения данной группы следовало бы использовать (возможно, в кавычках) термин эпохи – «*фольксдойче*» (он, к слову, в книге встречается, но изредка), либо оперировать несколько громоздким, но зато точным определением «украинские немцы и граждане УССР немецкого происхождения».

¹¹ Воспоминания ветерана Лельницкой партизанской бригады ГРУ Т. Марковской (Горбунцовой) [Публ. подг. Гогун А., Церович М.] // *Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі*. – 2009. – № 1 (5). – С. 71–103.

Относительно Холокоста заявляется, что евреев убивали за этническую принадлежность (с. 69). Хотя в действительности речь идёт о геноциде по расистским основаниям, то есть не из-за родного языка (культуры), а по принципу «крови», т. е. происхождения.

Следующая фраза не является ошибочной, но может привести к упрощенному восприятию национального состава населения Украины, конкретно – к преувеличению процента сугубо русского населения УССР: «В городах и местечках, где проживало большинство евреев, они... преимущественно в быту говорили по-русски, однако некоторые евреи официально (т. е. по документам. – А.Г.) принадлежали к украинской национальности и называли себя украинцами» (с. 70). Добавим, паспортная принадлежность и самоидентификация в данном случае не всегда были неправильными, поскольку русско-украинское двуязычие являлось в те годы нормой для многих жителей УССР. В том числе попадают в эту группу те, родители или более далекие предки которых говорили на идиш, но чьими родными языками к 1941 г. являлись русский и украинский одновременно.

Часть «этнических» названий батальонов немецкой полиции (Schutzmannschaft) подано в кавычках (например, «литовский»), часть – без (например, эстонский) (с. 52). Не понятно использование здесь двойных стандартов.

Но главное, повторим, то, что монография содержит комплексный массив фактических ошибок, что делает любые, даже промежуточные обобщения изначально сомнительными.

Автор рецензии специализируется на истории украинских националистов и советских партизан и, отчасти, спецслужб, и в состоянии лишь в соответствующих отрывках рельефно показать количество и, главное, уровень погрешностей и «перекосов». Вероятно, их число можно было бы уменьшить, если бы при подготовке обобщающей работы задействовались все основные монографии ведущего, но, к прискорбию, недавно умершего специалиста по данным проблемам – Анатолия Кентия¹².

¹² *Кентій А.В.* Нариси історії Організації українських націоналістів в 1929–1941 рр. – К., 1998; *Його ж.* Нариси історії Організації українських націоналістів в 1941–1942 рр. – К., 1999; *Його ж.* Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. – К., 1999; *Його ж.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. – К., 1999. См. также: *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя:

Закритістю архивов в книге оправдується таинственная необъяснимість приказа Сталина № 00189 от 5 сентября 1942 г. об активизации партизанской борьбы (с. 279). Хотя данные о причинах возникновения этого документа находятся во вполне открытых фондах ЦДАГО и РГАСПИ. Более того, еще в советской литературе причина этого приказа обнародована – совещание партизанских командиров у Сталина в самом конце августа – начале сентября 1942 года¹³.

«По некоторым данным», то есть снова по мемуарам, причём рядовой партизанки, Сталин будто бы разрешил партизанам в 1943 г. убивать семьи коллаборационистов (с. 283). Но большинство приказов «вождя народов» выявлено и опубликовано, в них подобного распоряжения нет. А донесения лесных солдат с мест в Москву о том, что «семьи полицейских не трогали», пометки сотрудника УШПД на полях угрожающей коллективной ответственностью партизанской листовки «это неправильно»¹⁴ не подтверждают эти сведения.

Упоминается «Детальный план НКВД уничтожить весь центр города [Киева в 1941 г.]» (с. 41). А ведь ещё в 2005 г. была опубликована статья, где документально доказывалось, что столица Украины была взорвана не НКВД, а Красной армией¹⁵, которая случайно превратила в развалины и здание с одной из ключевых явочных квартир чекистской агентуры. Более того, на монографию 2008 года, в которой эти сведения также обнародованы, Беркхофф ссылаясь в одной из своих публикаций¹⁶.

Партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). – К., 2005; Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідне видання / Авт.-упор.: О.В. Бажан, А.В. Кентій, В.С. Лозицький. – К., 2001.

¹³ См., например: *Сабуров А.Н.* Силы неисчислимые. – М.: Воениздат, 1967. Глава «В Москве» (<http://militera.lib.ru/memo/russian/saburov/07.html>).

¹⁴ Листовка красных партизан к коллаборационистам, январь 1943 г. (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 630, арк. 111).

¹⁵ *Кентій А.* Війна 1941–1945 рр. очима її учасників і очевидців (за документами ЦДАГО України) // *Архіви України*. – 2005. – № 1–3 (256). – С. 477.

¹⁶ *Berkhoff K.* Rezension zu: *Musial, Bogdan: Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn 2009* // H-Soz-u-Kult, 18.10.2010 (<http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2010-4-040>).

Тимофей Строкач, возглавлявший УШПД, с лета 1942 г. не занимал должность заместителя главы НКВД УССР, как указано на с. 279 и на подписи к фотографии на с. 281. Информация об этом также давно доступна автору.

В перечне социальных слоёв, из которых собирались советские отряды, не указан главный – колхозники, мобилизованные «народными мстителями» под угрозой расстрела (с. 280). Отсюда и следующая ошибка: «Присоединиться к уже существующей партизанской группе было тяжело... [Новобранцам] сначала приходилось пройти тяжелый испытательный срок» (с. 282).

Неправильны сведения о том, что в октябре 1942 г. наибольшую активность советские «лесные солдаты» демонстрировали в Житомирской области (с. 280). Их ещё там вообще не было: на Житомирщину Сидор Ковпак и Александр Сабуров пришли позже, в рамках знаменитого «Сталинского рейда».

Сдвинуты по хронологии в другую сторону данные о результатах деятельности диверсантов: «...Немецкая власть, начиная с осени 1943 года, ставила вдоль [железнодорожных] путей охранников...» (с. 283). На самом деле это происходило в той или иной форме уже с 1941 года.

Ошибочными являются результаты вычисления: по словам автора, на Правобережье Днепра в июле 1943 г. «...действовало свыше 16,5 тысяч советских партизан (что верно. – А.Г.), что составляло около 1% официального населения РКУ» (с. 282). При пересчете получается в десять раз меньше – 0,1%.

Неясно, зачем перепечатываются без опровергающего комментария баснословно преувеличенные донесения советских партизан о десятках тысяч убитых ими немцев (с. 283). Ведь в распоряжении исследователя в изобилии наличествовали немецкие документы, свидетельствующие: даже порядок цифр был другим.

Непониманием внутренней структуры и принципов создания отрядов вызван к жизни следующий пассаж: «Хотя партизаны, как советские, так и другие [УПА, АК], обычно немало пьянствовали (в УПА этого не было. – А.Г.), на них распространялись жесткие правила дисциплины, за неподчинение которым их командиры, но также и политические комиссары или (в больших отрядах) специальные

отделы НКВД (именно в отрядах УШПД их не было. – А.Г.) наказывали избиванием и т. п. За грабеж без разрешения, пребывание в пьяном состоянии... часто приходилось отдавать жизнь (косвенное противоречие с предыдущим предложением. – А.Г.)» (с. 282). В реальности в советских отрядах командиры толерантно относились как к собственным «проказам», так и ко многим «шалостям» своих подчиненных.

Не отрицая юдофобии националистов¹⁷, следует отметить, что утверждение о соответствующих планах ОУН показывает произвольную интерпретацию источника: «...Документы времен войны свидетельствуют, что провод бандеровцев во время немецкого вторжения хотел уничтожить всех евреев или, как минимум, еврейских мужчин и выражал готовность принять участие в этом процессе» (с. 91, 292). Как доказательство приводятся не постановления провода (то есть ЦК ОУН(б)), и даже не приказ проводника – Степана Бандеры, а автобиография члена провода Ярослава Стецко. Причем написал он этот документ в германском заключении ввиду вероятного расстрела – не исключено, что для того, чтобы сменить гнев на милость пленивших его нацистов-антисемитов.

Неверные сведения публикуются относительно «карающего меча» националистов – СБ ОУН, в которой якобы «...преобладали те, кто, как и [Николай] Лебедь, закончил школу немецкой полиции безопасности в польском местечке Закопане» (с. 293). Точно так же, как и Лебедь, не заканчивал учебного заведения службы безопасности и будущий главнокомандующий УПА Роман Шухевич, что утверждается автором на странице 302, причём без ссылки на источник¹⁸. Бандеровцы в 1941 г. сделали ставку

¹⁷ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941: 36. документів і матеріалів. – Львів; К., 2001. – С. 11, 45, 77–78.

¹⁸ Любопытно отметить, что именно этот «факт» уже использован рядом авторов. В частности, в статье 13 марта 2011 г. под заголовком «В школьных учебниках Украины советских партизан приравнивают к пособникам фашистов из ОУН-УПА» информагентством «Рекс» цитировался «независимый исследователь из США» Лев Мухтаров, который утверждал: «Западный историк Карел Беркхофф в своей фундаментальной монографии “Урожай отчаяния”, посвященной исследованию гитлеровского оккупационного режима на Украине, прямо пишет о том, что Шухевич, наряду с другими украинскими националистами, проходил подготовку в специальной шпионско-диверсионной школе гестапо в Закопане» (<http://www.iarex.ru/interviews/13412.html>). Из этой публикации «сведения» перешли на ряд форумов и порталов Интернета.

на кооперацію с вермахтом (в т. ч. с Абвером), то єсть с учреждением, конкуруючим с ведомством Гиммлера по многим направлениям, в том числе за влияние на «восточную политику».

Не соответствует действительности и информация о заключении соглашения между ОУН(б) и Тарасом Бульбой-Боровцом в марте 1943 г. об объединении вооружённых сил (с. 294). Причём неудачу переговоров признавали как бандеровцы, так и атаман¹⁹.

Механически – без опровергающей оговорки – цитируется сообщение Эриха Коха Альфреду Розенбергу (с. 291), где в числе жертв УПА названы волынские чехи, которые как этническая группа не попали²⁰ под «дубину народной войны».

Не ясно, откуда взялись сведения о том, что к концу 1943 г. УПА все чаще грабила мирное украинское население (с. 302). Вызывает возражение и продемонстрированное в книге согласие с донесением советских партизан «наверх» о том, что среди широких слоев сельских жителей националисты не пользовались авторитетом (с. 302). В Повстанческой армии наличествовала кровавая дисциплина. В том числе благодаря ей завоевывалась поддержка населения, без которой бандеровцы не смогли бы воевать с советской властью еще пять лет. Да и памятники националистам в Западной Украине в 1990-е возникли не случайно.

Общий результат войны в тылу вермахта, пожалуй, недооценивается: «...[В РКУ] партизанские движения – украинское националистическое, польское националистическое и коммунистическое... – в целом не могли помешать принудительному вывозу населения» (с. 314). Следует добавить – из городов и степных районов РКУ. Ведь в распоряжении Беркхоффа была масса документов оккупационной администрации, описывающих хаос в северо-восточной части Украины

¹⁹ *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу. Ч. 1. Німецька окупація України. (Репринтне видання). – Дрогобич, 1993. – С. 76–77; *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. – К.; Торонто; Нью-Йорк, 1996 (Раздел «Партійна боротьба за УПА» (http://zustrich.quebec-ukraine.com/lib/bulba/bulba_249parti.htm)).

²⁰ *Мотыка Г.* Українська partyzantka 1942—1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów (OUN) i Ukraińskiej Powstańczej Armii (UPA). – Warszawa, 2006. См. раздел об УПА и чешском меньшинстве.

во второй половине 1943 г. Приведем и свидетельство партизанского командира Петра Вершигоры о январе 1944 г.: «Все Полесье за исключением крупных коммуникаций Сарны–Ковель, Ковель–Брест и Сарны–Лунинец было полностью свободно от немцев, громадная территория от Сарны до Буга была поделена между УПА и соединениями советских партизан...»²¹. И это – без партизанских зон в Житомирской и Киевской областях. Именно благодаря срыву охоты на остарбайтеров на севере РКУ в селах Волины осталось много потенциальных призывников, из-за которых в 1944–1945 гг. советская власть с УПА устроили серию локальных боев.

Отметим и стилистические недостатки повествования.

В частности, в тексте наличествуют странные безымянные смысловые конструкции: «один историк» (напр., с. 197). Подобную историографическую отсылку сложно встретить в работах коллег. Можно было написать «как полагает имярек...», или «по мнению У...». Ведь ясно же, что речь идет об исследователе, а не об участнике событий.

Не поддается пониманию следующая фраза: «В 1995 году Оксана Яценко, родившаяся в 1919 году в Мисайловце, на конкретный вопрос, когда ей жилось лучше – “в 1930-х годах или при немцах”, ответила: “При наших лучше жилось”. Она не имела в виду ни украинцев, ни коммунистов. Она имела в виду только то, что сказала» (с. 236).

Базовым изъяном книги является неряшливое оформление научно-справочного аппарата. Ответственность за это лежит скорее на издательстве. В науке существуют два стандарта цитирования архивного источника. Первый из них, несколько громоздкий, но зато удобный для дотошного читателя, можно условно назвать немецким. В сноске по возможности указываются тип документа, автор, респондент, название (желательно оригинальное – в кавычках) и/или тема, шифр (номер), дата и архивная ссылка. Второй – англо-американский стандарт – менее строгий: только архивная ссылка. В «Жатве отчаяния» в сносках часто приводится только архивная ссылка, причем, как правило, даже при

²¹ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.» Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГОУ, ф. 63, оп. 1, спр. 4, арк. 140).

ссылке на восточноевропейский архив, без указания сокращенных обозначений единиц хранения (Ф. – Оп. – Д. – Л.). Это выглядит как несколько цифр, отделённых друг от друга косыми чертами. Порой к такой ссылке зачем-то добавляется только фамилия автора документа (хотя она явно ничего не скажет читателям, пусть даже и историкам), иногда – название документа без автора и даты. В единичных случаях выдерживается немецкий стандарт качества. Кроме того, вместо обозначения листа (укр. – арк., рус. – л., нем. – Bl., пол. – к.) при цитировании архивного источника в «Жатве отчаяния» иногда пишется «с[траница]», что вносит дополнительную путаницу. Отсутствие списка использованной литературы затрудняет поиск цитируемых работ.

Если и использовать рецензируемую книгу, то делать это следует крайне осторожно, тщательно перепроверя любые сведения из монографии. Комплексное исследование об Украине во Второй мировой войне еще ждет своего автора. Для написания подобной книги требуется, в первую очередь, систематический поиск в украинских центральных и региональных архивах. Кроме того, необходимо привлечение публикаций последних 20-ти лет – прежде всего украинских и немецких ученых, а также кропотливая редакторская работа.

Рецензия написана благодаря финансовой поддержке фондов Петра Малофея и Николая Клида Канадского института исследований Украины (CIUS).